

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81-27

DOI: 10.37892/2713-2951-2-10-53-69

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА НИЖНЕЙ ИНДИГИРКЕ: РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ АРКТИКИ

Татьяна А. Бердникова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация

Статья посвящена описанию языковой ситуации на Нижней Индигирке начала XX в. и в настоящее время. Первая часть статьи построена на этнографических материалах В.М. Зензинова и А.Л. Биркенгофа, которые описывали не только «сколок русской культуры» – русских старожилых Арктики, но и их взаимоотношения с инокультурным и иноязычным окружением. Вторая часть статьи отражает современную языковую ситуацию в районе выявленную по материалам собственных полевых исследований 2014 и 2018 гг. Нижнеиндигирский (русскоустыинский) старожильческий диалект в полиэтничном окружении продолжает существовать и развиваться по своим внутренним законам, чему способствует высокая степень языкового самосознания носителей, сохранность одного из видов традиционной деятельности, тесные родственные связи внутри общины, словотворчество, меры по популяризации народной культуры, интерес со стороны научного сообщества. Опрос о языковых контактах в районе показал, что основным языком общения современных жителей Нижней Индигирки продолжает оставаться русский язык, вторым языком общения (по количеству говорящих на нем) является якутский язык, далее следует эвенский язык. В целом языковая ситуация характеризуется как стабильная, гармоничная, что является традиционным для арктического региона.

Ключевые слова: языковая ситуация, русские арктические старожилы, диалект, Индигирка, этнографические описания, полевые исследования

LANGUAGE SITUATION IN NIZHNYAYA INDIGIRKA: RUSSIAN OLD RESIDENTS OF THE ARCTIC

Tatyana A. Berdnikova

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova,
Russian Federation

The article is devoted to the description of the language situation in Nizhnyaya Indigirka from the beginning of the 20th century to the present day. The first part of the paper is based on the ethnographic materials of V.M. Zenzinova and A.L. Birkenhoff, who described not only the “splinter of Russian culture” – Russian old residents of the Arctic, but also their relationship with a foreign cultural and foreign-language environment. The second part of the article reflects the current language situation in the region based on the materials of our own field studies in 2014 and 2018. The Nizhne-Indigirsky (Russian Ustyinsky) resident dialect in a multi-ethnic environment continues to exist and develop according to its own internal laws, which is facilitated by a high degree of linguistic self-awareness of the speakers, the preservation of one of the types of

traditional activities, close family ties within the community, word creation, measures to popularize folk culture, interest from outside scientific community. A survey on language contacts in the region showed that the main language of communication of the modern inhabitants of Nizhnyaya Indigirka continues to be Russian, the second in the number of respondents is the Yakut language, followed by the Even language. In general, the language situation is characterized as stable, harmonious, which is traditional for the Arctic region.

Keywords: *language situation, Russian old Arctic residents, dialect, Indigirka, ethnographic descriptions, field research*

Введение

Тема межнациональных отношений, межэтнического согласия, языковой ситуации в регионе очень актуальна не только в многонациональной и поликонфессиональной России, но и во всем современном мире, охваченном процессом глобализации. Особенности таких отношений могут быть освещены представителями разных социальных областей. И если для представителя СМИ это является производственным заданием, то взгляд «человека случайного» может показать то, что подчас скрыто от официальной стороны жизни, прояснить природу, первопричину взаимоотношений представителей разных народов.

Практически во всех улусах и районах Республики Саха (Якутия) проживает русское старожильческое население. В арктической зоне республики на сегодняшний день сохранились два русских старожильческих региона, один из которых расположен в низовьях реки Индигирки (поселки Русское Устье и Чокурдах). С 2004 г. в РС (Я) действует закон, согласно которому русские арктические старожилы приравнены в своих правах к коренным малочисленным народам Севера. Таким образом, на республиканском уровне признано социальное равенство людей, совместно проживающих порядка 400 лет в суровых условиях Арктики.

Методика

Как осуществлялось соседство нескольких народов в прошлые годы и столетия, можно выяснить по архивным данным и из этнографической литературы. К последней мы и обратились. В первой части статьи мы попытаемся дать сравнительный анализ этнографических заметок начала – середины XX в. о межнациональных отношениях народов, проживающих по течению реки Индигирка.

Результаты и обсуждение

В 1914 г. в Москве вышла книга «Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянского округа» Владимира Михайловича Зензинова, в то время находящегося в ссылке в Якутии. Ранние очерки политематического в 1–2-м номерах журнала «Этнографическое обозрение» за 1913 года открыли для всего мира островок русской культуры

на Крайнем Севере. Интерес к публикации был огромен, что и побудило издателя В.В. Богданова через год выпустить очерки отдельной книгой. Как отмечает в предисловии издатель, ссылаясь на автора очерков, «в Русском Устье мы имеем тип колонистов-промышленников. Борьбу с суровой природой, конкуренцию с соседями-инородцами они выносят образцово. В чем причина этого успеха, и не могут ли они в чем-нибудь быть примером для задач современной колонизации – вот вопрос, который может занять нашу общественную мысль» [Зензинов, 2014: 11].

Вот что сам В. Зензинов писал о взаимоотношениях между коренными северными народами и русскоустыинцами: «На Индигирке русские живут столетия – живут окруженные сплошным кольцом из якутов, юкагиров, ламутов, тунгусов, чукчей, – и тем не менее они сумели сохранить русский тип лица, русский язык, русские обычаи. Больше того – всюду в Якутской области русское население очень сильно подчиняется якутскому влиянию, перенимает язык и обычаи якутов, на Индигирке русские очень редко рождаются с инородцами и – явление в Якутской области совершенно исключительное! – подчиняют инородцев русскому влиянию, заставляя якутов, юкагиров и даже чукчей говорить по-русски, передавая им русские обычаи, русскую одежду. Эта устойчивость национального типа, выражающаяся не только во внешних проявлениях, но и в характере (осторожность, расчетливость, медлительность, консерватизм), в связи с огромной оторванностью этого уголка от русской жизни, даже в сущности от русской Сибири, наложили на индигирцев много самобытных особенностей» [Там же: 18–19].

Далее автор, ссылаясь на «Историю России» С. Соловьева, пишет о столкновениях русских с юкагирами и ламутами и делает вывод: «Появление русских на Индигирке и укрепление на ее берегах русской “культуры” вызвало обычные последствия: Юкагирская Индигирская земля обезлюдела» [Там же: 32]. Хотя в главе 3 «Хозяйство» автор признает, что поселенцы, зашиверские мещане, «жительствоуют рассеянно по пустолежащим, неразмежеванным и неизвестно к кому принадлежащим местам, смежно с якутами на берегах реки Индигирки, также и якутские мещане, заселившиеся с предков своих в разные времена, живут совокупно с якутами и юкагирами...» [Там же: 33–34]. В преданиях же самих русскоустыинцев постоянно прослеживается мысль о межнациональных браках мужчин-поселенцев с «прекрасными юкагирками» [Чикачев, 2010: 110].

Русскоустыинцы начала XX в. практически не знали якутского языка, что существенно отличало их от колымчан и устыинцев, для которых якутский язык был языком повседневного общения. В. Зензинов отмечает, что «якутская речь является разговорным языком для всего севера» [Зензинов, 2014: 109]. Однако в русскоустыинском диалекте и тогда, и сейчас зафиксированы заимствования: «якутские слова встречаются большей частью в промысле, так как промысел, по-видимому, был усвоен русскими у местного населения» [Там же: 110].

На книгу В. Зензинова часто ссылался А.Л. Биркенгоф, участник экспедиции Наркомводтранса 1931 г. Экспедиция преследовала много практических целей, например изучение наиболее удобного пути между Колымой и Индигиркой, в числе прочих – исследование экономического положения коренного населения Индигирки. Уникальность книги А.Л. Биркенгофа «Потомки землепроходцев. Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки» заключается в том, что свои заметки он начал делать еще на севере, но написал книгу спустя несколько лет, и перед самой войной ее рекомендовали в печать. Но рукопись в военном круговороте потерялась и была обнаружена спустя почти 30 лет. Таким образом, только в 1972 г. перед читателем «предстали» жители русских поселений на Индигирке. В разных главах книги много бытовых зарисовок. Приведем те из них, которые напрямую касаются межнациональных отношений.

«Впоследствии я не замечал разницы в отношениях индигирщиков между собой и “инородцами”, как еще недавно продолжали именовать оленеводов-ламудов, юкагиров, тунгусов (но не чукчей и якутов)».

О ламудтах и юкагирах говорили: «Народ старательный», «Если у нас голодно, привезет без зову мяса оленьего и всего, что у него есть». Уверяют, что и сами они относятся к оленеводам «как к отцу родному»: «Рыбку им припасаем, цаёк (чаёк), табацёк (табачок)»; «Сами не покурим – ламудту оставим».

Отношение это вполне искреннее, хотя сами уверения, вероятно, в какой-то мере отголосок тех времен (XVIII в.), когда, объезжая свой округ, чиновник («комиссар») проверял, между прочим, исполнение приказа Иркутского местничества об отношении к местным «легкомысленным народам»: «Чтобы оных народов ни под каким видом во огорчение отнюдь не приводить и обходиться с ними с ласковостью, подражая проповеди апостольской» [Биркенгоф, 1972: 23]. (Однако А.Г. Чикачев пишет о «не приведении в огорчение» относительно выполнения закона «За неприбытие у исповеди» [Чикачев, 2010: 400]. – *Б.Т.*)

А.Л. Биркенгоф подчеркивает у жителей нижней Индигирки практически повсеместное (кроме женщин) владение двумя языками, что объясняется особенностью самого населения – так называемого местного типа, выработавшегося в результате смешения браков на протяжении столетий [Биркенгоф, 1972: 27]. В послесловии к книге историк Ю.В. Симченко пишет, что официально царская власть относительно границ охотничьих угодий предписывала русским поселенцам не пересекаться с аборигенами: «...ходить на промыслы в те места, где ясачных людей нет». Ученый, лично побывавший на Индигирке, приходит к выводу: «В подавляющем большинстве отношения русских с коренным населением были мирными и

дружелюбными. Сам характер русского человека в общем-то и определил симбиоз нового населения и аборигенов как явление более или менее естественное» [Там же].

Много о судьбе арктических старожилов написано известным не только в РС (Я), но и во всей России краеведом, истинным патриотом своей малой родины, Русского Устья, А.Г. Чикачевым. Внимательное изучение его книг, статей, очерков показывает, что совместное проживание на протяжении столетий на одной территории разных по сути народов стало возможным благодаря суровым климатическим условиям, которые не прощают оплошностей, лучшим чертам характера всех населяющих Арктику народов, обычаям первобытного коммунизма. Создание полноценной жизни для русских переселенцев невозможно было без принятия элементов материальной и духовной жизни коренных народов: «За сравнительно короткий исторический срок русскими северянами здесь выработаны уникальные промежуточные структуры, они сумели органически вписаться в полярный ареал, воспитать в себе экологическую культуру и тонкую этику межнационального общения, чего нельзя сказать о последующих “покорителях” Севера» [Чикачев, 2010: 117].

Известный российский писатель и публицист В.Г. Распутин, лично знакомый с русскоустыинцами, бывавший в этом поселке, сравнивает отношения пришлого и коренного населения с крепостью, ворота которой открылись, чтобы впускать, но не выпускать: «В наше время, когда национальные различия, должны, по великим учениям, все больше и больше стираться, вдруг поднялись на дыбы, словно повинуюсь каким-то подземным силам, опыт Русского Устья, если бы удалось откопать его из мерзлоты и выставить на обозрение, мог бы послужить службу не одному лишь любопытству. Национальность сегодня не только и не столько понятие кровности, сколько духовности, воспитание и бытование в определенной культурно-этнической среде, в кругу того или иного этнического сознания» [цит. по: Чикачев, 2010: 42].

Сам А.Г. Чикачев вспоминает: «Неуклонно соблюдаем мы заповеди родителей в межнациональных отношениях. К примеру: “Никогда не обижай юкагира. Они благородные люди. Помни: ты сделаешь ему добро один раз, он тебе сделает трижды”» [Там же: 34]. Обидеть, даже в детских шалостях, сверстника-юкагира считалось недопустимым.

В октябре 2014 г. в п. Чокурдах Аллаиховского улуса Якутии мы проводили лингвистическое исследование в рамках ГЦП «Лингвокультурная экспедиция в п. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)», целью которого было описание современного состояния и условий бытования нижеиндигирского (русскоустыинского) старожильского говора. По причине неблагоприятных погодных условий совершить поездку в п. Русское Устье тогда не удалось, однако беседы с

информантами состоялись по телефону и сопровождались тетрадными записями. Все исследования велись в п. Чокурдах.

Степень сохранности русского старожильческого диалекта выяснялась у носителей разных возрастных групп. Среди представителей младшей возрастной группы носителей было проведено анкетирование. Среди старшей возрастной группы были опрошены более 40 носителей, которые сохраняют постоянную, прежде всего родственную, связь с носителями диалекта п. Русское Устье. В ходе бесед с информантами были сделаны записи от руки, аудиозаписи, сделаны фото бесед с учениками старшей и младшей школы, проанализированы печатные материалы и видеозаписи районного музея, архива телестудии «Розовая чайка» (филиала НВК «Саха»).

Собранные материалы позволили сделать вывод, что нижеиндигирский (русскоустыинский) старожильческий диалект продолжал функционировать и развиваться по своим внутренним законам, несмотря на возникшие внешние, экстралингвистические факторы. Выдвинуть такое утверждение позволили многочисленные высказывания информантов, которые, говоря о большей степени сохранности диалекта у лиц старшего поколения, стараются и сами использовать диалектные слова и выражения. Русскоустыинцы составляют среди жителей районного центра примерно 1/8, включая детей (от общего количества жителей это примерно 2000 человек).

В современных условиях в п. Чокурдах старожильческий диалект по-прежнему функционирует в семейном кругу, а сфера его распространения – обиходно-бытовое общение. В ситуациях официального или полуофициального общения русскоустыинцы используют разговорную форму русского литературного языка. Однако в ситуациях неофициального общения: дома, в магазине, на улице, в больнице, иногда даже в рабочем коллективе, если он состоит из выходцев-русскоустыинцев), – переходят на диалект: *Когда захотим, то можем и баить; Когда собираемся, сразу перехлёт, баяние* (из записи речи информантки 36 лет).

Группа русскоустыинцев обладает высоким уровнем самосознания и ответственным отношением к сохранению традиционной русской культуры, фольклора и языка. При этнокультурном центре «Инди» в 2007 г. была создана общественная организация «Общество русских арктических старожиллов (русскоустыинцев)» (председатель с 2010 г. – Е.Ю. Яковлева). Членами общества предпринята попытка реконструкции избы-землянки с атрибутами быта. Существуют до сегодняшнего дня фольклорно-этнографический ансамбль «Русскоустыинцы» и детская группа «Рустиночка». Участники ансамблей исполняют старинные песни, частушки, соблюдая орфоэпические и фонетические особенности русскоустыинского диалекта, ставят постановки, стараясь максимально использовать диалектные слова и выражения. По мнению

одного из 40-летних участников ансамбля, слова народных песен он практически не учил, потому что знает их с детства. Репертуар ансамбля разнообразен, он активно обсуждается всеми членами коллектива. Нам довелось стать свидетелями нескольких репетиций. На одной из них решалось, какие жанры фольклора нужно исполнить на празднике, чтобы не было повторений, на второй среднее поколение под руководством Ю.Г. Кузьмичевой, одной из старейших русскоустыинок, разучивали особый вид фольклора – андыльщину. Летом 2014 г. старейшими участниками коллектива (А.И. Солдатовой и др.) были выверены тексты всего репертуара с точки зрения ударения и произношения.

Неоднократно отмечено самими диалектоносителями, что, входя по разным причинам в коллектив русскоустыинцев (например, брачные отношения), человек быстро перенимает диалектные слова и выражения и использует их уже в своей речи, не испытывая языкового барьера в общении. Особенности диалекта, что удивительно, обучались даже приезжие, особенно женщины при вступлении в брак с русскоустыинцем. Дети в таких браках считают себя русскоустыинцами, указывая, что мама все-таки приезжая или другой национальности. Но окружение, помня об ином происхождении невестки/золовки/родственницы, совершенно не подчеркивает этого и не исключает ее из разговора на диалекте.

Впервые с детьми, носителями диалекта, мы столкнулись во время проведения научно-практической конференции «Язык и культура русских старожилов как феномен этнокультурного взаимодействия народов РС (Я)», организованной ИГиИПМНС (2013). И тогда уже были подвергнуты сомнению высказывания Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки и П. Швайцера: «К утверждениям, что старожильческие говоры до сих пор широко используются, нужно относиться с осторожностью. Многочисленные примеры походских, русскоустыинских и марковских слов, которые наши информанты предъявляли нам по нашей просьбе, носят, скорее, характер демонстративный: свой говор как бы показывается, слова приводятся не как слова живого языка, а как своего рода музейные экспонаты, призванные проиллюстрировать утверждение, что “наш говор существует”. Однако нам не удалось обнаружить людей, которые реально использовали бы этот говор в повседневном общении» [Вахтин, Головка, Швайцера, 2004: 211–212].

Для детей, считающих себя русскоустыинцами (по самоопределению) или интересующихся культурой и бытом жителей п. Русское Устье (1 чел.), была разработана и предложена следующая анкета:

1. Укажите, пожалуйста, свой возраст.
2. Укажите, пожалуйста, свой пол (мужской; женский – подчеркните).
3. Ты считаешь себя русскоустыинцем? (да; нет – подчеркните).

4. Если да, то почему? (потому что я там родился; потому что там родились мои родители (мама, папа); потому что там родились мои бабушка, дедушка; свой вариант)
5. Ты по-русскоустински... (говорю свободно; мало говорю, но многое понимаю; понимаю иногда; не говорю и не понимаю).
6. Где и с кем ты в разговоре употребляешь местнорусские слова?
7. Ты хочешь свободно понимать и говорить по-русскоустински? (да; нет – подчеркните).
8. Ты бы хотел, чтобы твои дети свободно понимали и говорили по-русскоустински? (да; нет – подчеркните).

В анкетировании принимали участие 24 ребенка в возрасте от 8 до 16 лет, учащиеся как начальной школы (младших классов), так и средней школы (дети учатся в зданиях, расположенных в разных частях поселка): 8 лет – 2 ученика, 9 лет – 5 учеников, 10 лет – 2 ученика, 11 лет – 2 ученика, 13 лет – 2 ученика, 14 лет – 6 учеников, 15 лет – 3 ученика, 16 лет – 3 ученика.

Русскоустинцем ребенок себя считает по следующим причинам: Русское Устье – это место рождения ближайших родственников (мамы, бабушки, дедушки) – 20 человек; 2 человека сами родились в Русском Устье; 1 человек ответил, что в малых лет (с двух лет) жил в Русском Устье; только 1 человек не считает себя русскоустинцем, хотя на 5-й вопрос им же был дан ответ: иногда понимаю по-русскоустински; и 1 человек не считает себя русскоустинцем, не говорит и не понимает по-русскоустински.

Свободное владение русскоустинским диалектом отметили 2 человека; 9 человек мало говорят, но многое понимают; 7 человек иногда понимают (в большинстве так ответили ученики старших классов); 7 человек выбрали ответ «Не говорю и не понимаю».

Вопросы 7 и 8 были направлены на выяснение перспектив функционирования диалекта. Подавляющее большинство респондентов (19 учеников, то есть 79 %) высказались положительно, таким образом, изъявляя свое желание продолжать языковую традицию и, в свою очередь, передавать ее следующему поколению; 3 респондента (9, 14 и 15 лет) не выразили желания говорить на диалекте и передавать это знание своим детям. Предварительные данные анкеты позволяют предположить, что младшее поколение русскоустинцев ориентировано на сохранение территориального диалекта.

В ходе разговоров с учителями как начальной, так и основной образовательной школы в п. Чокурдах о степени сохранности диалекта у школьников были получены следующие ответы: *В школе дети (диалектные) слова не употребляют. Когда приезжали в Русское Устье сразу же бросается в глаза употребление местнорусских слов в среде школьников (зам. директора по ВР, приезжая); Дети не говорят, но свои корни знают* (директор основной школы, местная, не

русскоустыинка); *Дети занимаются, интересуются вопросами краеведения, выступают на конференциях, участвуют в конкурсах, на диалекте не говорят* (учитель математики, русскоустыинка); *Дети в Чокурдах не говорят; В Русском Устье говорят большие* (завуч начальной школы, русскоустыинка); *Дети не говорят, но ходят на занятия по русскоустыинской культуре, изучают в том числе диалектные слова* (учитель начальных классов, мама – русскоустыинка).

При опросе самих детей (13–16 лет) выяснилось, что они могут употребить диалектные слова в разговоре по телефону, при общении с домашними (особенно старшего возраста), на улице, в школе. Иногда употребляют и между собой, зная, что собеседник его поймет.

Однако школа – не единственное место, где (кроме семьи) детей знакомят с особенностями диалектной речи. В детских садах п. Русское Устье и п. Чокурдах на праздники дети ставят постановки по сценариям уроженки п. Русское Устье, всеми уважаемого человека, медика по образованию Варвары Серафимовны Омельченко, 1936 г. рождения. Тексты представляют собой отражение бытовых сцен из жизни русскоустыинца (например, «На Евдокию» – приезд бабушки в дом к сыну, «В старину» – поздний ужин в семье, где вместе живут пожилые родители и сын с семьей, «Заступница» – разговор двух сестер). Дети в процессе подготовки знакомятся не только с диалектными словами, особенностью их произношения, но и правилами поведения в быту. Приведем фрагмент текста сценки «В старину»²:

Изба. Пожилые родители (дед и баба), сын с женой, двое детей.

Б а б а (сварила уху (*узна*)). В застойке раскладывает рыбу на тарелки):

– *Невеса, на, тарелки-че расстав! Так. Эти с головами-че отцу да мужу, хвосточки-че рибитишкам. Жвення-че пускай на блюде будут, можот ми да поедим.*

(к деду) *Ваня! Щербу станёшь ишчи, налью?*

Д е д: *Ужувжа (=пожди), голову-ту объм-да* (выбирает рыби глаза с носиком, отдает внуку).

– *На, чачу, глаза-че скусные, ешь.*

С ы н (тоже вынимает глаза и отдает дочке): *Ты тоже ешь глазки-че, а вот серцо-то не надо ишчи – бужливая будёш. А я шаглу-ту шьем, шибко скусно!* (отдает жене тарелку), *на, шербушку налей!*

Затем все молча поели. Отец и мать встали, перекрестились.

Б а б а (внукам): *На двор-от сходице да ляжичешь. Совонне дедушка скаску сказоват.*

Д е д: *Можот ты сама, у миня чиво-то поло место утыкат* (почки болят), *я анако усну ране вас* (укладывается спать).

² Приведены, по возможности, все пометы автора сценария.

Д е д (лёг, набил ганзу табаком, обращается к внучке): *Манечка, аму, мне лучинку зажчи-да у огня-то, покуру и усну* (Дед берет лучинку) *Когда ты родилаш-да я шибко радовался. Молодес! Большая вырашчи така?!*

В небольшом приведенном отрывке нашли свое отражение: термины родства (*невеса, отец, муж*); этикетная формула благодарности ребенку (*Когда ты родилаш-да я шибко радовался. Молодес!*); правила поведения за столом (есть нужно молча, после принятия пищи следует перекреститься); правила поведения за столом: самое вкусное (рыбьи глаза) взрослые отдают детям); приметы (сердце кушать не надо, потому что человек будет пугаться); представления о наивной анатомии (*поло* место 'почки'); название блюд (*щерба*); названия части рыбы (*шагла* 'жабры', *звенья* 'нарезанные куски рыбы').

Пионером обучения русскоустынской культуре, фольклору и языку стала Т.К. Киселева, разработавшая и внедрившая в школьную практику обязательный курс «Русскоустынская национальная культура». Именно наличие этого курса, по мнению автора, стало главным в решении вопроса о дальнейшем существовании или закрытии малокомплектной неполной средней школы в Русском Устье (прим. в 2014 г. в МОУ «Русскоустынская основная общеобразовательная школа» обучалось около 30 детей с 1-го по 9-й класс, в 2018 г. – 21 ребенок). В целях методического обеспечения учителем В.И. Шаховой была разработана рабочая тетрадь для учащихся 9-го класса, а учителем начальных классов П.И. Чикачевой создано электронное учебное пособие «Русскоустынская азбука».

Затем уже в школах районного центра под руководством Ю.Г. Кузьмичевой для всех желающих стали проводиться факультативные занятия по дисциплине «Русская национальная культура», в рамках которой дети знакомились с диалектными словами и выражениями, особенностями быта русских старожилов, традиционными видами хозяйствования.

Важно отметить и рост языкового самосознания всей русскоустынской общины: восстановление связей с исторической родиной – Великим Новгородом, творческая деятельность, изучение краеведческой литературы, реконструкция народных костюмов, обращение к «Диалектному словарю Русского Устья» А.Г. Чикачева, намеренное общение со старейшими жителями п. Русское Устье, составление собственных словарей или сборников слов и выражений (нам удалось выявить авторов двух отдельно составляемых словарей, где часть зафиксированных слов и выражений не отражена в уже существующих диалектных словарях), и др.

Для русскоустынцев характерна атмосфера словотворчества: наличие прозвищ-кличек у людей, чаще всего диалектных; сочинение стихов, частушек с использованием диалектных слов и выражений. Различные формы сохранения диалекта ярко проявляют свои результаты

при совместных мероприятиях всей русскоустынской общины, где происходит объединение русскоустынцев из самого поселка, п. Чокурдаха и членами общественного объединения «Русскоустынцы» в г. Якутске.

Неоднократно в беседах с информантами нами было записано местоимение *наши*. На прямой вопрос, кто является НАШИМИ, были получены такие ответы: родственники, друзья, одноклассники, соседи, которые при внимательном рассмотрении оказываются жителями п. Русское Устье или выходцами из этого места: *Руско Устье приежжаеш – это же дом родной! Отдыхали нынче наши в Анапе; У нас он (говор) сохраняеца; Наших тоже детей привлекают, в Якучке-то; В России наших мало; Наши говорят, мыши прыгнула; Наши – это наши полярнинские.*

Чувство общности проявляется в осознании единых для всего коллектива языковых норм, выражающихся в общем словарном запасе, общей фонетике и грамматике, мелодике и ритмике речи: *У других и интонация не та, и манера не та; Йесли со своими – по-панибратски, со взрослыми степенно; Они всё ровно не толкуют; Лячают по-нашэму, добро бают; Они быстро говорят, а когда с расстановочкой; Хлёско по-нашэму; А когда вдруг быстро заволторят* (из стихов Е. Тельнова).

По мнению одного из информантов, даже если человек и скажет все по-русскоустыински правильно (с точки зрения лексики и фонетики. – Т.Б.), то все равно станет понятно, что он «не НАШ». Информант не смог назвать причин такой оценки, но вероятнее всего, она кроется в таких важнейших показателях русскоустынского диалекта как темп речи и интонация.

Определение НАШИХ осуществляется также в рамках разветвленной системы групповых и индивидуальных прозвищ: *букушки* (другие так звали русскоустынцев), *Дюдюрашка*, *дедушка Сума*, *Комиха*. В некоторых случаях они обладают прозрачной только для члена языкового коллектива внутренней формой: *Соловейка* (наверное, пел хорошо, как соловей), *Соболёнок* (тёмненькой был, наверное), *Аришин Егор*, *Агатит* (по кинофильму, кличку дали дети-сверстники), *Уточка* (спокойная такая, а звали Саша), *Муха* (младшая сестра), *Тарбей* (хищная птица; прозвище дали после случая, когда мальчик на бегу схватил с вешала коптившуюся юколу, словно птица); *Снегирёк* (снегирь – это предвестник весны, чего-то светлого, хорошего).

В отличие от носителей других диалектов, русскоустынцы не считают свой говор непрестижным. Русскоустынцы любят и уважают язык, на котором говорят. В наивном сознании говорящих национальный язык (в данном случае русский) и его диалектная форма прямо противопоставлены. Причины такого противопоставления носят явно

экстралингвистический характер: в языковом окружении неродственных (юкагирского, эвенского, позднее якутского) языков важно было сохранить свои, исконные черты, которые служили (и служат до сих пор) маркерами по шкале «свой-чужой». Эта шкала действовала и действует даже при общении с другими русскими, но в деформированном виде: субстантивированное прилагательное ТАМОС(Ш)НИЕ показывает, что есть русские свои, русскоустыинцы, здешние, НАШИ и не русскоустыинцы, не здешние, а ТАМОС(Ш)НИЕ. Это подтверждает наличие названий других народов (юкАгиры, чукчи, эвены, якуты) и отсутствие названия русских из других мест.

Историю появления этнонима *местнорусский*, известного любому на Индигирке, еще предстоит выяснить, однако здесь прослеживается четкая связь «национальность – язык». Какой человек национальности, такой язык, по мнению диалектоносителей, и является для него родным: для якута – якутский, русского – русский, местнорусского – местнорусский. Нам кажется, что именно эта связь и послужила причиной того, что носители русскоустыинского диалекта в качестве родного языка часто указывают местнорусский и гораздо реже русский. Но при беседах и встречах при попытке выяснить, на каком же языке они говорят, приходили к мнению, что их родной язык, русскоустыинский диалект – русский в своей основе.

Среди современных русскоустыинцев широкое распространение имеет миф, что в советское время жителей п. Русского Устья (до 1988 г. п. Полярный) в графе «национальность» записывали как местнорусский. Исследуя материалы Архива Аллаиховского улуса в 2018 г., нами не было отмечено НИ ОДНОГО случая записи в паспортных данных названия МЕСТНОРУССКИЙ. Возможно, так писалось (например, в библиотечном формуляре, по сообщению информанта), но не в официальных документах. В устной речи укоренению понятия «местнорусский» способствовала миграция русского населения на протяжении XX в., когда в регион стали прибывать специалисты различных областей деятельности, в том числе учителя. Чтобы отличить по национальности коренных и приезжих русских, возможно, и был придуман термин «местнорусский». Информанты неоднократно вспоминали, как их ругали приезжие учителя за специфическое произношение, употребление того или иного диалектного слова, выражения, восклицания.

Среди причин уважительного отношения носителей к своему диалекту, в первую очередь, мы видим проявление научного интереса к феномену Русского Устья. В поселок неоднократно приезжали ученые в составе разных научных экспедиций, известные в стране личности (например, В.Г. Распутин, В. Толстой, внук М.А. Шолохова), среди русскоустыинцев появились свои ученые (А.Г. Чикачев), в последние годы почти каждый год приезжают съемочные группы различных телевизионных каналов. Статьи и заметки, книги о Русском

Устье и его жителях стали всеобщим достоянием. Практически в каждой семье есть «Диалектный словарь Русского Устья» А.Г. Чикачева. К нему постоянно обращаются, уточняют, рекомендуют почитать своим детям, люди старшего поколения спорят о точности того или иного толкования. Печатные материалы, как правило, написаны в публицистическом или научно-популярном стиле и не отражают строго таких научных лингвистических понятий, как «литературный язык» – «диалект» – «диалектный язык».

Таким образом, к окончанию экспедиции в 2014 г. стало ясно, что в п. Чокурдах сложилась уникальная языковая ситуация, которая требовала дальнейшего описания.

С 16 по 30 апреля 2018 г. в рамках гранта РФФИ «Русские арктические старожилы Якутии: экспедиция по сбору и изучению диалектного и фольклорного материала» мы посетили поселки Чокурдах и Русское Устье. Экспедиция зафиксировала лингвистический и фольклорный материал, были выявлены особенности развития языкового сознания носителей культуры, различные случаи языковых и культурных контактов. Для выявления и описания взаимодействия языковых контактов в районе был составлен вопросник, главной целью которого было выяснение уровня владения родным и государственными языками республики. Второстепенной целью являлось подтверждение гипотезы о том, что речь русскоустыинцев отличается от литературного языка и, таким образом, на сегодняшний день представляет территориальный вариант русского национального языка, имея свои особенности на всех уровнях языковой структуры.

Вопросник состоял из следующих вопросов:

1. Возраст.
2. Пол.
3. Место рождения.
4. Какой язык является родным (на каком языке начали говорить)?
5. Национальность.
6. Какими языками владеете и в какой степени?
7. Употребляете ли в своей речи слова из других языков улуса?
8. Можете ли сказать, что русскоустыинцы говорят не так, как остальные русские?

Опрос проводился 21–22 апреля 2018 г. с помощью метода прямого включения; в опросе приняли участие 47 жителей п. Чокурдах, из них мужчин – 16, женщин – 31 в возрасте от 11 до 78 лет, большинство из которых являются коренными жителями:

Возраст	10 – 20	21 – 30	31– 40	41 – 50	51 – 60	61 – 70	71 – 80
Количество респондентов	5	2	9	8	18	3	2

Место рождения респондентов: Аллаиховский улус – 32 (п. Чокурдах – 18, п. Ойотунгй – 1, п. Русское Устье – 11, п. Ньачалаах – 2); в других районах Якутии – 9; в других регионах РФ/СССР – 5 (в том числе Украина – 1, Узбекистан – 1).

Родным языком указали русский – 29 (среди которых якутов – 8, украинцев – 1, эвенков – 2, бурятков – 2); якутский – 13; эвенский – 3 (среди которых 1 юкагир); украинский – 1.

По национальному составу респонденты представлены следующим образом: русские – 19, якуты – 16, эвенки – 7, украинцы – 2, местнорусские – 1, юкагиры – 1, буряты – 1.

На вопрос, какими языками владеете и в какой степени, респонденты ответили следующим образом:

Русским языком владеют 100% опрошенных, при этом оценивают свой уровень владения языком как «хорошо», якутским языком владеют 31 человек, т.е. почти 66 %, из которых 16 оценивают как «хорошо», 7 – «понимаю, но не говорю», 8 – «понимаю отдельные слова». Эвенским языком из 47 респондентов владеют 11 человек, т.е. 23%, из которых 4 человека – как «хорошо», 2 – «понимаю, но не говорю», 5 – «понимаю отдельные слова». Юкагирским языком владеют 8 человек опрошенных, то есть 17%, из которых 2 человека оценили свой уровень знания языка как «хорошо», 1 – «понимаю, но не говорю», 5 – «понимаю отдельные слова».

Из якутского языка употребляют слова 26 опрошенных, то есть более половины (55 %), слова из эвенского языка употребляют 8 человек – 17%, юкагирского – 2%.

Подавляющее большинство респондентов указали, что речь русскоустыинцев выделяется на общем фоне русской речи: 36 человек (77%) ответили утвердительно, 8 человек (17%) дали отрицательный ответ, затруднились ответить 3 (6%).

Языковую ситуацию в самом п. Русское Устье можно охарактеризовать как стабильно русскоязычную при наличии межнациональных браков, присутствии временных рабочих из разных улусов республики, введения в школьный курс предмета «Якутский язык». Школьники под руководством учителей участвуют в самых разнообразных мероприятиях районного, республиканского, российского масштаба с проектами, которые так или иначе рассказывают о культуре русскоустыинцев. Детский сад проводит работу, аналогичную которой мы наблюдали в п. Чокурдах в 2014 г. Выполнить задачи по формированию уважительного отношения к родной культуре в языковом окружении несравненно легче.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что языком сообщества центрального поселка Аллаиховского района является русский язык, который хорошо понимают все участники

опроса. Вторым по числу говорящих на нем является якутский язык, далее – эвенский (11 человек) и юкагирский (8 человек). При этом родным эвенский язык является для 3 человек, в качестве родного юкагирский язык не назывался. Следует учитывать, что опрос проводился в районном центре, а не в отдаленных поселках района, где компактно проживает русское (как в п. Русское Устье), эвенское или юкагирское население. Неравное количество опрошенных по гендерному принципу объясняется тем фактом, что в это время мужская часть поселка была занята традиционным видом деятельности – рыболовством.

За последние 90 лет (с начала 1930-х годов) русскоустыинский диалект претерпел, по мнению диалектоносителей старшего поколения, существенные изменения. Тут можно высказать несколько предположений, которые не носят собственно языкового характера. Во-первых, русскоустыинский диалект долгие годы находился практически в изоляции, избегая влияния как со стороны литературного русского языка, так и других русских диалектов в силу территориальной удаленности. Но в советское время контакты с другими русскими стали более частыми, в лексический состав говора стали все чаще проникать новые слова, отражающие, прежде всего, общественно-политические реалии и технические новинки. Сейчас же русскоустыинский диалект за счет ведения специфических форм хозяйствования остается в более выгодном положении по сравнению с другими русскими диалектами, где смена социального устройства привела почти к полной утрате особенностей и специфики деревенского быта.

Во-вторых, всеобщая ликвидация неграмотности, которая, отметим, в Арктике проходила достаточно долго, вплоть до 1960-х годов, привела к возможности получить жителями села определенную профессию, специальность в противоположность занятию только традиционными промыслами. Обучение всегда связано с освоением литературной формы национального языка, в связи с чем диалект утратил часть своих функций и стал средством преимущественно обиходного, домашнего общения. Освоив нормы литературного языка, современные русскоустыинцы совершенно свободно вступают в речевую коммуникацию с любыми русскоговорящими людьми, но в ситуациях неофициального общения (дома, в магазине, на улице, в больнице, иногда даже в рабочем коллективе, если он состоит из выходцев-русскоустыинцев) переходят на диалект. Нами была замечена четкая смена диалекта на литературный язык при участии в общении нерусскоустыинцев.

Однако диалект, как всякая языковая система, продолжает развиваться по своим внутренним законам. Высокий уровень самосознания говорящих, на наш взгляд, в сочетании с традиционным для русскоустыинцев и распространенным даже сейчас словотворчеством, дает хороший эффект для сохранности диалекта. Среди носителей диалекта есть свои поэты,

сказочники, сочинители частушек. Обязательной чертой творчества является наличие в текстах диалектных слов и выражений.

В сложившихся условиях повсеместного распространения литературной формы языка и полилингвизма, характерного для РС (Я), старожильческий нижеиндигирский говор поддерживается не только сферой обиходного, но и профессионального общения, что подтверждает количество зафиксированных лексических единиц, относящихся к семантическому полю 'Рыболовство'.

Таким образом, рыбный промысел, компактное проживание на закрепленной территории, тесные семейно-родственные связи позволяют русскоустыинскому диалекту активно функционировать, иметь свои особенности на разных языковых уровнях и выделяться среди других русских арктических говоров.

Литература

- Бердникова Т.А.* (2019) О проведении диалектологического исследования языковой и этнокультурной ситуации русских старожилков устья р. Индигирка // Русские арктические старожилы Якутии: Сб. науч. статей; [электронный ресурс] / Отв. ред. С.Е. Никитина. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН. С. 179–185. <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/RuskiyarkicheskiyestarozhilyuYakutii.pdf>
- Биркенгоф А.Л.* (1972) Потомки землепроходцев: Воспоминания очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. М.: Мысль. 222 с.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайтцер П.* (2004) Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство. 296 с.
- Зензинов В.М.* (2014, 1914) Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М: Типография П.П. Рябушинского. 140 с.
- Чикачев А.Г.* (1990) Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк. Новосибирск. 189 с.
- Чикачев А.Г.* (1999) За дальними шиверами. Якутск: Якутское книжное изд-во. 99 с.
- Чикачев А.Г.* (2005) Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск: Наука. 75 с.
- Чикачев А.Г.* (2007) Русские в Арктике. Историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука. 303 с.
- Чикачев А.Г.* (2010) Русское сердце Арктики. Якутск: Медиа-холдинг Якутия. 478 с.

References

- Berdnikova, T.A.* (2019) O provedenii dialektologicheskogo issledovaniya yazykovoy i etnokul'turnoy situatsii russkikh starozhilov ust'ya r.Indigirka [On a dialectological study of the linguistic and ethno-cultural situation of Russian old-timers of the Indigirka river] // Russian Arctic old-timers of Yakutia: collection of scientific articles; [electronic resource] / Ed. S.E. Nikitina. Yakutsk: IGiIPMNS SB RAS. Pp. 179–185. (In Russ.)
- Birkengof, A.L.* (1972) Potomki zemleprokhodtsev: Vospominaniya ocherki o russkikh porechanakh nizovyev i dely reki Indigirki [Descendants of explorers. Memoirs and Essays on the Russian Porechans of the Lower and Delta of the Indigirka River]. M.: Mysl. 222 p. (In Russ.)
- Vakhtin, N.B., Golovko, E.V., Schweitzer, P.* (2004) Russkiye starozhily Sibiri: Sotsialnyye i simvolicheskiye aspekty samosoznaniya [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-consciousness]. M.: Novoye izdatelstvo. 296 p. (In Russ.)

- Zenzinov, V.M. (2014, 1914) Starinnyye lyudi u kholodnago okeana. Russkoye Ust'ye Yakutskoy oblasti Verkhoyanskogo okruga. [Ancient people near the cold ocean. Russian Ustye of the Yakutsk Region of the Verkhoyansk District]. M.: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. 140 p. (In Russ.)
- Chikachev, A.G. (1990) Russkiye na Indigirke: Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Russians on the Indigirka: Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka. 189 p. (In Russ.)
- Chikachev, A.G. (1999) Za dalnimi shiverami [Behind the far shivers]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izd-vo. 99 p. (In Russ.)
- Chikachev, A.G. (2005) Dialektnyy slovar Russkogo Ustyа [Dialect dictionary of the Russian Ustye]. Novosibirsk: Nauka. 75 p. (In Russ.)
- Chikachev, A.G. (2007) Russkiye v Arktike. Polyarnyy variant kultury [Russians in the Arctic. Polar version of culture]. Novosibirsk: Nauka. 303 p. (In Russ.)
- Chikachev, A.G. (2010) Russkoye serdtse Arktiki [Russian heart of the Arctic]. Yakutsk: Media-kholding Yakutiya. 478 p. (In Russ.)

Бердникова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
Адрес: 677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58.
Эл. адрес: berrdnikovata@mail.ru

Для цитирования: Бердникова Т.А. Языковая ситуация на Нижней Индигирке: Русские старожилы Арктики [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2022. № 2 (10). С. 53–69. DOI: 10.37892/2713-2951-2-10-53-69

For citation: Berdnikova, T.A. Language situation in Nizhnyaya Indigirka: Russian old residents of the Arctic [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 2 (10). Pp. 53–69. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-10-53-69